

Юлия Беринг

Л
Г
Р
У
Ш
К
А
Ж
Е
С
Т
О
К
О
Г
О
Н
А
С
Л
Е
Д
Н
И
К
А

Ты заставил меня молчать, теперь слушай!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого
наследника. Ты заставил
меня молчать, теперь слушай!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты заставил меня молчать, теперь слушай! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я поступила в элитную консерваторию, чтобы исполнить мечту и стать певицей. Но в первый же день оказалась игрушкой жестокого мажора. Марк Смирнов — сын декана, богатый, красивый и безжалостный. Он уничтожил мою репутацию, отобрал единственную запись моего голоса и заставил прислуживать ему. Для него я всего лишь бедная студентка, которую можно унижать безнаказанно. Он приказал мне молчать. Терпеть. Подчиняться. Но однажды я поняла: мой голос способен разрушить его власть. Теперь правила игры изменились. У меня появились союзники, доказательства и шанс на настоящую любовь. А Марку предстоит узнать, что происходит, когда его бесправная игрушка перестаёт бояться и начинает диктовать свои условия.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Ты заставил меня молчать, теперь слушай!

Глава 1

На поворотах Консерватории «Голос» пахло пылью и старой краской. Возле открытых аудиторий запах менялся: парфюм, кофе, разогретая аппаратура. Я замедлялась у каждой двери, ловя обрывки распевок. Здесь люди брали верхние ноты между делом, пока искали что-то в сумках. Мне хотелось оказаться среди них и одновременно — не попасться никому на глаза.

Я прижимала сумку к груди так, будто она была щитом, а внутри неё — единственное, что связывало меня с будущим: портфолио-диск. Три года репетиций в подвале общежития, где трубы гудели как контрабас, а стены плакали от сырости. И этот диск был моим билетом: стипендией и правом дышать здесь, среди этих людей, которые смотрели на тебя сверху вниз, если ты не носила имя из списка Forbes или не обладала голосом, способным разбивать бокалы шампанского.

Мне было двадцать лет, и я умела быть невидимой. Проходить за чужими спинами, смеяться чуть позже остальных, чтобы наверняка не ошибиться. В коридоре уже обсуждали прослушивание. Я поправила сумку: пусть сначала услышат запись, а потом посмотрят на меня. В таком порядке я ещё могла выдержать.

Первый день всегда путал карты. Расписание висело в холле, но коридоры академии были лабиринтом, построенным архитектором-садистом. Чтобы добраться до аудитории №402, нужно было свернуть за угол, где горел только аварийный свет. Темнота здесь была густой, почти осязаемой. Она липла к коже, скрадывала звуки шагов. Я считала плитки. Раз, два, три... Шаг влево, шаг вправо. Контроль над ситуацией — вот что давало мне иллюзию безопасности. Я думала, что справлюсь. Что пройду этот адский коридор незамеченной, как мышь в библиотеке.

Но темнота обманчива. Она не прощает слепую уверенность.

На четвертом счете кто-то толкнул меня сзади. Моё плечо наткнулось на твердую преграду. Не на стену, нет. Стена не дышит, не пахнет дорогим табаком и холодным металлом часов. Это было тело. Чье-то чужое, массивное, стоящее ровно там, где я должна была пройти.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Я попыталась затормозить, но ноги скользнули по свежешлифованному паркету. Равновесие исчезло. Мир качнулся. Сумка выскользнула из рук, распахнулась, и диск — хрупкий круглый кусок поликарбоната, несущий в себе всю мою жизнь, — вылетел наружу. Он заскользил по полу, издавая тонкий, пронзительный визг, похожий на крик раненой птицы.

Я упала. Не изящно, не по-кинематографично. Грязно. Коленями в пол, ладонями в пыль, лицом прямо в чью-то грудь.

Вспыхнул свет. Кто-то включил верхнее освещение, и тьма отступила, обнажая ужас ситуации. Я лежала на полу, распластанная, как жертва автомобильной аварии, а надо мной возвышался он. Марк Валерьевич Смирнов. Староста курса. Сын декана. Человек, о котором шептались во всех углах академии, называя его кукловодом, тираном и гением одновременно. Его глаза цвета стали посмотрели на меня без удивления, без сочувствия. Только скука. Ледяная, абсолютная скука.

— Осторожнее, деточка, — раздался сладкий, как перезрелая вишня, голос справа.

Екатерина Лисовская. Королева факультета, дочь главного спонсора, девушка с идеальной прической и улыбкой акулы. Она стояла, прислонившись спиной к стене, и поправляла манжеты своего пиджака. На её лице играла фальшивая забота, от которой сводило зубы.

— Тут скользко, — продолжила Катя, склоняя голову набок. — От чужих амбиций. Видишь, некоторые слишком сильно толкаются, чтобы пробиться. А потом падают.

Это не была случайность. Это был удар. Целенаправленный, рассчитанный удар. Катя не просто столкнулась со мной. Она толкнула меня в темноте, прямо на Марка. Пока я шарила по полу, она даже не пошевелилась — только смотрела, как я тянусь к диску. Она маркировала меня. Теперь я была не просто новенькой. Я была той, кто опозорился в первый же час. Той, кого можно топтать, потому что это смешно. Потому что это красиво.

Я попыталась подняться, но рука Марка легла на мое плечо, возвращая на пол. Не грубо, но весомо. Как камень.

— Ты уже сломана, — произнес он. Его голос был низким, бархатным и равнодушным. Он не смотрел на меня. Он смотрел на диск, который остановился у его туфель.

Марк наклонился. Медленно, демонстративно. Он поднял диск двумя пальцами, словно держал грязную салфетку. Свет ламп поймал блик на поверхности, и я увидела трещину. Тонкую, паутинообразную, идущую от центра к краю. Она пересекала запись моего лучшего вокала. Моего будущего.

Я смотрела на трещину и не могла отвести глаза. Если он сейчас согнёт пластик, останутся две половинки. На них — три года, которые уже нельзя будет включить и предъявить комиссии. Мне вдруг стало всё равно, сколько телефонов направлено на меня.

— Это моя жизнь! — выдохнула я, чувствуя, как горло сжимается от паники. Я потянулась за диском, мои пальцы дрожали. — Верните. Пожалуйста.

Марк не отдал. Он поднял руку выше, вне досягаемости, и повертел диск перед своими глазами, изучая дефект с профессиональным интересом ювелира, рассматривающего брак в камне.

— У меня есть ремонтный набор, — сказал он холодно. — Но он дорогой.

Я замерла. Воздух в легких закончился.

— Что вы имеете в виду? — спросила я тихо, хотя внутри меня бушевал шторм.

— Диск вернется к тебе, Алиса, — он назвал мое имя так, будто оно ему уже принадлежало, — если ты согласишься на условия.

Он сделал шаг назад, убрав руку с моего плеча. Колени болели, ладони были черными от пыли. Вокруг нас уже собиралась небольшая толпа студентов. Они не помогали. Они наблюдали. Их телефоны были направлены на нас. Это было шоу. Первый акт спектакля под названием «Падение Алисы».

— Условия? — переспросила я, чувствуя, как ногти впиваются в ладони до боли.

— Ты станешь моей личной помощницей, — Марк говорил буднично, перечисляя пункты меню. — Подавать кофе. Носить папки. Молчать, когда я говорю. Слушать, когда я молчу. И главное — ты не имеешь права на собственное мнение, пока не получишь свой диск обратно. Если откажешься... — он бросил быстрый взгляд на Катю, которая улыбалась хищно, показывая ровные белые зубы, — ...диск будет уничтожен публично на экзамене. А Катя расскажет всем, что ты сама упала, пытаешься соблазнить старосту.

Тишина повисла тяжелая, как свинец. Я видела лица однокурсников. В них читалось любопытство, презрение и готовность поверить любой сплетне. Для них не имело значения правда. Им нужна была история. Жертва для их собственного спокойствия.

— Почему я должна верить вам? — мой голос дрогнул, сорвался на шепот.

Марк усмехнулся. Коротко, сухо. Без веселья.

— Потому что у тебя нет выбора. И потому что я знаю, чего ты стоишь. Даже со сломанным диском.

Он протянул мне руку. Пальцы длинные, тонкие, с безупречно аккуратными ногтями. Жест галантный, но в его глазах читалось предупреждение: «Прими помощь или оставайся на коленях».

Я посмотрела на его руку. Потом на диск, который он убрал в карман. Потом на Катю, которая уже начала снимать видео, подмигивая объекту камеры.

Страх публичного позора оказался сильнее страха работы рабыней. Я понимала масштаб угрозы. Это была кража вещи, но на кону стояла репутация. Если диск сломан публично, если меня обвинят в дешевом соблазнении, меня выгонят. Или хуже — оставят, но сделают изгоем, которого никто не будет слушать.

Я не взяла его руку.

Вместо этого я упёрлась ладонью в пол и встала сама. Отряхнула колени, смахнула пыль с юбки. Мои руки все еще дрожали, но лицо, надеюсь, оставалось каменным. Я выпрямила спину, вскинула подбородок и посмотрела Марку прямо в глаза.

— Я согласна, — сказала я четко. Каждое слово, как гвоздь в крышку гроба моей независимости.

Марк не обиделся. Его протянутая ладонь осталась между нами ещё на секунду. Я не смотрела на неё, только на лицо. Уголок его рта дрогнул. Вот теперь он разглядывал меня по-настоящему — и от этого стало страшнее, чем от первой угрозы. Зато Катя перестала улыбаться.

Он кивнул сам себе, коротко, утвердительно.

— Тогда начнем с кофе. Черный. Без сахара. И не вздумай просить скидку за моральный ущерб, — он развернулся и пошел прочь, оставляя меня стоять посреди коридора, окруженную шепотом и взглядами.

Катя подошла ближе, наклонилась к моему уху и прошептала так, чтобы слышали только мы двое:

— Добро пожаловать в ад, деточка. Здесь жарко.

Она выпрямилась, поправила волосы и растворилась в толпе, довольная собой.

Я осталась одна. Толпа расходилась, разочарованная отсутствием драки. Мне нужно было идти дальше. Найти аудиторию. Сесть. Дышать. Но ноги не слушались. Внутри всё звенело.

У поворота ещё виднелся его пиджак. Диск лежал в кармане, на расстоянии нескольких шагов. Я почти пошла следом — выхватить, вцепиться, хоть что-нибудь сделать. Перед глазами снова встала Катя, проверявшая снятое видео. Прикусила губу и стала искать указатель к аудитории №402. Мне ещё предстояло сесть перед этими людьми и сделать вид, что день только начинается.

Воздух в кабинете декана Смирнова пах старой бумагой и лимонным чистящим средством. Я стояла перед массивным дубовым столом, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Следы ногтей оставались на коже. Я разжимала кулаки ниже края стола и снова сжимала: нужно было заговорить прежде, чем декан отправит меня за дверь, даже не узнав, зачем я пришла.

Глава 2

— Мне нужен мой диск, — голос дрогнул, но я заставила себя поднять подбородок. — Это единственная копия моих работ. Без него я никто.

Декан Валерий Петрович даже не поднял глаз от монитора. Пальцы лениво барабанили по столу.

— Алиса, протокол есть протокол. Вещи, изъятые старостой за нарушение этики и порчу имущества, возвращаются только после письменного объяснения причин проступка. Вы хотите написать заявление? Или предпочтете ждать вердикта комиссии?

Комиссии. То есть, до конца семестра. Моя карьера кончилась бы раньше.

Я открыла рот, чтобы возразить, но в дверях появилась Екатерина Лисовская. Она держала в руках треснувший диск, словно дорогую безделушку. На ней был безупречный бежевый костюм, который стоил больше, чем моя стипендия за полгода.

— Ой, вы еще здесь? — Катя улыбнулась своей фирменной, липкой улыбкой. — Валерий Петрович, она так переживает. Может, стоит быть мягче?

Она подошла ближе, наклонилась к моему лицу. Запах ее духов — тяжелый, приторный жасмин — ударил в нос.

— Знаешь, Аля, эта трещина... Она красивая. Как метафора твоего характера. Хрупкая. Разбилась от первого ветра. Может, вам стоит попробовать другой факультет? Например, администраторский? Там не нужно горло беречь, только нервы коллег.

Кровь прилила к щекам. Гнев вспыхнул яростно и неконтролируемо. Я рванулась вперед, пытаюсь выхватить диск из ее пальцев.

— Верни! Это моя работа!

Но Катя ловко отдернула руку, сделав вид, что испугалась. Диск скользнул обратно в ее карман. Декан резко встал.

— Алиса! Прочь из кабинета. Сейчас же. И ты, Катя, оставайся. У нас много дел.

Я вышла, хлопнув дверью так, что звенело в ушах. В коридоре меня уже ждал Марк. Он прислонился к стене, скрестив руки на груди. Его глаза были холодными, как сталь.

— Позорище, — тихо сказал он. Не громко. Не злобно. Просто констатация факта.

— Ты слышал? — я задыхалась от слез.

— Она права. Твой голос сейчас звучал как истерика, а не как инструмент. Ты не готова к работе со мной. Но я дам шанс исправиться.

Он сделал шаг навстречу. Его запах — кофе, табак и что-то резкое, мужское — окутал меня.

— Стань моим личным ассистентом по ведению архива записей курса. Месяц. Ни одной ошибки. Если справишься — диск твой. Если нет — ты теряешь стипендию и вылетаешь из академии. Выбор за тобой.

Месяц. Я быстро прикинула, сколько занятий придется проводить рядом с ним, сколько раз подавать кофе и смотреть на карман с диском. Декан уже отказал. В следующем кабинете меня мог встретить такой же вежливый отказ. А Марк хотя бы называл срок. Я вцепилась в это число, будто оно было уступкой.

— Хорошо, — прошептала я.

Марк усмехнулся. Это было хуже удара.

— Начнем прямо сейчас. Студия. Архив.

Кабинет Марка в студии звукозаписи напоминал бункер. Темные стены, поглощающие звук, и горы папок. На столе лежал старый блокнот с выцветшими чернилами. Почерк старого преподавателя, профессора Громова, был неразборчив.

— Расшифруй, — приказал Марк, не поднимая головы от своего ноутбука. — Техника дыхания. Заметки для нового курса. Мне нужна идеальная точность. Одна ошибка — и ты лишишься доступа к студии навсегда.

Марк вышел, оставив ноутбук открытым. Я села за стол. Часы тикали где-то высоко под потолком. Буквы расплывались перед глазами. Пот стекал по спине, футболка прилипла к телу. Я пыталась разобрать «диафрагма», но чернила превращались в пятна. Слезы капали на листок, размывая строчки еще сильнее. Я ненавидела этот почерк. Ненавидела себя за то, что не могу читать быстро. Ненавидела тишину, которая давила на уши.

Дверь скрипнула. Илья Котельников, техник-звукооператор, заглянул внутрь, держа в руках катушку с проводами. Он замер, увидев меня. Его глаза, обычно спокойные и немного сонные, расширились.

— Ты... плачешь над бумагами?

— Иди сюда, — шепнула я, боясь, что Марк услышит. — Помоги. Я не могу понять вот это слово.

Илья тихо подошел, положив катушку на пол. Он склонился над блокнотом. Пахло от него пылью и электричеством.

— Это не просто заметки, — пробормотал он. — Профессор Громов всегда писал в ритме. Видишь эти точки? Они совпадают с паузами в его лекциях. Попробуй прочитать вслух, следуя дыханию. Вдох на первую строку, выдох на вторую.

Я посмотрела на него. Он не жалел меня. Он предлагал ключ.

— А если ошибусь?

— Тогда я скажу, что подсказал, а не ты украла методичку. Договорились?

Его улыбка была слабой, но честной. Я взяла ручку. Вдох. Выдох. Слова начали складываться в предложения. Руки перестали дрожать. Внутри загорелся маленький огонек надежды. Я закончила страницу за двадцать минут. Идеально.

Когда Илья ушёл, я ещё раз прочитала страницу вслух, почти беззвучно. На точках взяла паузы — и впервые не пришлось возвращаться к началу строчки. Потом сложила листы на краю стола. Марку незачем знать, как я разобралась. Пусть попробует найти ошибку.

Через час вернулся Марк. Он взял стопку бумаг, не глядя на меня. Перелистывал медленно. Я следила за краем каждой страницы: к какой он вернётся, где остановится. В первый раз за день мне хотелось, чтобы он заговорил скорее.

На третьей странице его пальцы замерли.

— Здесь, — произнес он. Голос был тихим, но режущим. — Слово «резонанс». В исходнике — «резонанса». Или я неправильно вижу?

Я ахнула. Проверила. Слово я разобрала правильно, но пропустила окончание: в этой фразе у Громова было «резонанса». Я поняла это только теперь.

— Это... мелочь, — начала я.

— Мелочь? — Марк поднял глаза. В них не было злости. Только разочарование. Холодное, как лед. — Я сказал «идеально». Для меня любая ошибка — это шум. Шум мешает мне слышать музыку. А ты создаешь помехи.

Он схватил листок. Рванул его пополам. Потом еще раз. Обрывки бумаги полетели на пол, как снег.

— Начни заново. Сейчас же. До утра. И больше не смей дышать в мою сторону, пока не закончишь.

Один клочок упал возле моей туфли. На нём осталось полслова — того самого, которое мы с Ильёй наконец разобрали. Я наклонилась было за ним и остановилась: Марк ждал ответа. Значит, сначала сказать, что он хочет. Потом собрать листы. Я не собиралась ещё раз разгадывать с нуля всё, что он разорвал.

— Да, сэр, — выдавила я.

Ночь была долгой и мучительной. Я переписывала всё, проверяя каждую запятую по три раза. К утру голова гудела, а спина болела так, будто я таскала мешки с цементом. Марк вышел из кабинета, даже не взглянув на меня. Я собрала готовый архив и поплелась в общежитие.

В коридоре, на втором этаже, меня ждала Катя. Она стояла у окна, попивая кофе из бумажного стаканчика. Увидев меня, она хихикнула.

— О, наша маленькая служанка. Выглядишь ужасно.

Прежде чем я успела ответить, она сделала шаг и «случайно» толкнула меня плечом. Кофе выплеснулся на мою белую рубашку помощницы старосты. Горячая жидкость обожгла кожу, но боль была ничем по сравнению с унижением.

— Ой, прости! — она закатила глаза, изображая раскаяние. — Я забыла, что ты теперь часть мебели. Застираешь сама, правда? Или хочешь, чтобы я рассказала декану, что ты не справляешься с гигиеной рабочего места? Грязная форма — это нарушение устава.

Слова повисли в воздухе. Любой скандал будет использован против меня. Любая агрессия подтвердит тезис о моей «истеричности». Я молча развернулась и пошла в ванную комнату.

Запершись в кабинке, я включила холодную воду. Жесткие щетинки терли ткань, стирая пятно, но оно не уходило полностью. Коричневый след остался на воротнике. Я смотрела на свое отражение в зеркале над раковиной. Глаза красные, волосы слиплись.

«Ты создаешь помехи», — эхом прозвучал голос Марка.

Я сжала кран так, что побелели костяшки. Боль от холода воды проникала в кости. Я не кричала. Я училась терпеть. Превращала этот стыд в топливо. Маленький, темный уголек в груди, который грел лучше, чем слова утешения.

Вечером я вернулась в кабинет Марка. Архив был готов. Идеальный. Безупречный.

Марк сидел в своем кресле, крутя в руках мой портфолио-диск. Он не проверил работу сразу. Сначала он посмотрел на меня. Долго. Внимательно.

— Почему ты плакала сегодня утром в коридоре? — спросил он вдруг.

Я вздрогнула.

— Я не плакала.

— Не лги мне, — его голос стал мягче, опаснее. — Ложь слышна в интонации. Ты боишься не меня. Ты боишься, что они правы. Что ты действительно пустой звук. Что без моего контроля ты никто.

Я опустила глаза на папку. Внутри лежала работа, которую я закончила после бессонной ночи. Стоило показать её — и разговор снова ушёл к моим слезам. Он заставлял меня защищать не страницы, а себя. Хотелось доказать ему всё сразу: что не боюсь, что не пустая, что умею. Я сильнее прижала папку к груди. Нет. Сначала пусть проверит.

— Я справилась с работой, — отчеканила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Покажи, — потребовал он.

Я протянула папку. Он открыл, пролистал страницы. Лицо оставалось каменным.

— Хорошо, — сказал он наконец.

И тут же, прежде чем я успела выдохнуть облегчение, он открыл верхний ящик своего стола. Положил туда диск. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

— Он останется здесь. Как напоминание о том, что ты должна заслужить право быть услышанной. А пока... принеси мне кофе. Без сахара. Сахар делает голос сладким, а мне нужна горечь.

Я почувствовала, как внутри все оборвалось. Месяц. Целый месяц без диска.

— Иди, — бросил он, снова утыкаясь в экран.

Развернувшись, я направилась к двери. Мысли путались. К декану я уже ходила — он выставил меня за дверь. За этой дверью могла ждать Катя с телефоном. А за спиной сидел Марк, которому снова понадобился только мой кофе.

Рука легла на холодную дверную ручку. Я потянула на себя.

В проеме двери стоял Илья.

Он держал в руках лист бумаги. На нем крупными буквами было написано: «Я помогу с остальными записями. Давай договоримся?»

Я замерла, не в силах сделать шаг ни назад, в клетку Марка, ни вперед, в неизвестность.

Глава 3

Коридор деканата пах пылью, дорогим парфюмом и чужой властью. Я стояла у двери кабинета Марка Валерьевича, сжимая в руках стаканчик кофе из автомата. Кофе остывал, пока я ждала под предлогом «проверки готовности». Марк сам позвал меня к двери, а теперь не выпускал.

— Заходи, Алиса. Не стой истуканом, ты загораживаешь проход для важных людей, — голос Марка раздался из приоткрытой двери. Тихо, но так, что мурашки побежали по спине, как от удара током.

Я вошла. Кабинет был стерильно белым, без единой лишней детали. Только стол, стул и сам хозяин, который даже не поднял глаз от телефона.

— Кофе, — бросил он, продолжая говорить кому-то о сроках сдачи проекта. — Как вчера. Но я меняю условия. Ты стоишь здесь, пока я закончу звонок. Если хоть капля прольется на мой костюм или на этот пол, ты будешь мыть его зубной щеткой до утра.

Он говорил спокойно, будто обсуждал погоду. А я чувствовала, как пальцы затекают вокруг картонного стаканчика. Кофе внутри плескался, угрожая вырваться наружу при малейшем движении. В висках стучало: швырни. Швырни ему в лицо. Сделай это.

Я стиснула зубы так, что заныли челюсти. Нет. Я должна быть невидимой. Должна быть удобной. Я молчала, глядя в точку на стене, чувствуя, как пот стекает по лопаткам под футболкой, хотя в комнате было прохладно.

Наконец, он положил трубку.

— Некомпетентность иногда лечится унижением, — произнес он, наконец взглянув на меня. Его глаза были серыми, как сталь, и абсолютно пустыми. — Поставь. И не дрожи. Ты пугаешь меня своим тремором.

Я поставила стакан на край стола. Руки действительно дрожали.

— Свободна? — спросила я, надеясь на чудо.

— Нет. У нас есть работа. Иди к лифту, там Катя ждёт документы для курьера. Отнеси их мне. Быстро.

У лифта Катя листала журнал. Когда я подошла, она загнула угол страницы и подняла глаза — с той улыбкой, с которой встречают официантку, опоздавшую с заказом. Я заметила уголок раньше лица. Она даже пометила, где остановилась: на меня много времени тратить не собиралась.

— О, наша новая служанка, — мурлыкнула она, когда двери открылись. — Марк сказал, тебе нужно передать вот эти папки. Очень важные. Для ректора.

Она протянула мне стопку бумаг. В тот же момент её рука дернулась, и связка ключей от аудитории со звонким грохотом упала на пол, прямо между моими ногами.

— Ай, неловко получилось, — вздохнула Катя, не наклоняясь. — Подними, пожалуйста. Если эти документы попадут к Марку с пятном от моих ключей... ну, ты понимаешь. Виновата будет та, кто несёт груз. То есть ты.

Ключи легли мне в ладонь, а папки скользнули по сгибу локтя. Ещё чуть-чуть — и я уронила бы всё, к её удовольствию. Катя смотрела сверху. Я перехватила бумаги повыше, держа связку так, чтобы ей пришлось взять её самой.

Я выпрямилась, держа ключи в руке. Посмотрела ей прямо в глаза.

— Это моя ответственность перед старостой, Катя. А не твоя игрушка. Документы я понесу. Ключи останутся у тебя. Или упадут снова. Мне безразлично.

Её улыбка на секунду померкла, сменившись недоумением. Вложила ключи в её ладонь и обошла её, не дожидаясь ответа. Первый микро-бунт. Горький, но настоящий.

В кабинете Марка уже лежал новый блокнот. Толстый, кожаный переплет.

— Перепиши список отличников для мастер-класса, — приказал он, не отрываясь от монитора. — Аккуратно. Почерком, который читается с расстояния двух метров.

Я взяла ручку. Открыла первую страницу. И замерла.

Это был мой дневник. Тот, который я прятала под матрасом в своей комнате в общежитии. Тот, где я писала о своих страхах, о том, как боюсь сцены, о мечтах стать актрисой дубляжа.

Марк поднял голову. Заметил мою остановку.

— Что-то не так?

— Где ты это взял? — шепот сорвался с губ.

— Илья любит болтать по ночам в аппаратной. А вещи имеют свойство теряться, если их плохо охранять, — он усмехнулся. — Твои мысли слишком громкие для твоего голоса, Алиса. Они кричат о слабости. Перепиши список. И не смей плакать, тушь потечёт на бумагу, а я не люблю грязь.

Под списком виднелся край моей старой записи. Я закрыла его ладонью, хотя Марк уже всё прочёл. Это движение выдало меня сильнее слёз. Пришлось убрать руку и начать писать. Фамилия, отступ, следующая фамилия. Я держалась за этот порядок, чтобы не перечитывать собственные страхи у него на столе.

Обеденный зал консерватории гудел голосами студентов. Я сидела одна за дальним столом, перед нетронутым супом. Руки все ещё тряслись после утреннего вторжения в личное пространство. Я пыталась зачерпнуть суп, но металл звенел о керамику.

Тень легла на стол. Марк. Он отодвинул стул напротив меня и сел. Весь зал замолчал, чувствуя напряжение.

— Ты не ешь, — констатировал он. Не вопрос. Утверждение.

— Я не голодна.

— Голод — это слабость. А слабые тела производят слабые звуки. Ешь.

Он взял мою ложку, зачерпнул суп и поднёс к моим губам.

— Рот открой, Алиса. Мы же не хотим, чтобы вечерняя репетиция превратилась в публичный разбор твоих ошибок перед всем курсом. Верно?

За соседним столом кто-то перестал жевать. Я слышала, как ложка Марка касается тарелки; этот звук оказался громче смешков. Можно было оттолкнуть его руку. Суп залил бы стол, он посмотрел бы на пятно, а потом на меня. Я открыла рот и глотнула. Горячо. Ещё и это — нельзя даже закашляться красиво.

Марк кормил меня ложкой за ложкой, как ребёнка, демонстрируя полную власть. Его пальцы случайно коснулись моей щеки. Холодные.

Вдруг мой взгляд скользнул поверх его плеча. В углу зала, среди теней, стоял Илья. Техник. Он не смотрел на меня с жалостью. Он наблюдал за ритмом наших движений, за тем, как Марк контролирует каждое мое действие. Его глаза блестели странным блеском — оценивающим, исследовательским. Будто он слушал музыку в этом хаосе.

Вечер опустился на город тяжело, как свинцовая крышка гроба.

Марк вызвал меня в аппаратную студию.

— Проверь оборудование, — сказал он. — Ты же умная девочка из дневника. Разберись.

Студия была погружена в полумрак. Работал только красный аварийный свет, пульсирующий, как сердце маньяка. Воздух пах озоном и старой электроникой.

Я стояла спиной к нему, проверяя кабели.

— Повернись, — голос Марка прозвучал совсем рядом. Слишком близко. Я почувствовала запах его дорогого табака и мяты.

Он подошел вплотную. Нарушил дистанцию, которая всегда была между нами.

— Спой. Прямо сейчас. Без микрофона. Просто голос. Покажи мне диапазон, о котором ты мечтаешь в своих заметках.

— Я устала, — сказала я, отступая назад, но упёршись спиной в стол.

— Усталость — это отговорка. Если ты не споешь, я вычеркну тебя из списка участников финального концерта. Ты потеряешь всё. Стипендию. Диплом. Себя.

Он знал мои триггеры. Знал, где давить сильнее всего.

Я открыла рот. Пыталась взять верхнюю ноту, ту, чистую и высокую, которую я тренировала годами. Но горло спазмировалось. Страх блокировал связки. Из груди вырвался только хриплый шепот. Тишина. Абсолютная, оглушающая тишина.

Марк смотрел на меня с интересом хирурга, наблюдающего за реакцией организма на скальпель. Он хотел увидеть эту поломку. Хотел убедиться, что я сломана окончательно.

Дверь резко распахнулась. Свет коридора хлынул внутрь, ослепив нас обоих.

Илья. Он стоял на пороге, в своей неизменной серой толстовке, с планшетом в руках.

— Простите, — сказал он спокойно, игнорируя злой взгляд Марка. — В мониторинговом канале странный шум. Частое дыхание, потом хрип. Пришёл проверить микрофон.

Марк не двинулся с места.

— Ты нарушаешь протокол безопасности, Котельников. Уходи.

— Шум был внутри студии, — Илья посмотрел на меня, затем на Марка. — Но сейчас тишина. Я ухожу. Не хочу мешать вашей... репетиции.

Он развернулся, но перед выходом снял с шеи тёплый вязаный шарф. Бросил его мне на плечи. Мягкая шерсть коснулась кожи, создавая крошечный островок тепла в этом ледяном аду.

Марк отступил на шаг. Дверь закрылась, оставив щель.

— Это ещё не конец, Алиса, — прошептал он.

Ночь была черной. Я возвращалась в общежитие, обмотавшись шарфом Ильи. Пахло от него стиральным порошком и чем-то безопасным.

Когда я подошла к своей комнате, сердце пропустило удар. Дверь была приоткрыта. Замок выломан.

Внутри царил хаос. Книги разбросаны по полу, одежда высыпана из шкафа. Кто-то искал что-то. Или кого-то.

На столе, посреди беспорядка, лежал мой портфолио-диск. Тот, который Марк забрал в первый день.

Не разломанный на части — прежняя трещина осталась. А на зеркальной поверхности виднелась глубокая царапина. Идеальная. В форме широкой, хищной улыбки.

Рядом записка на фирменной бумаге деканата:

«Я слышу тебя, даже когда ты молчишь. Завтра в 6 утра. Не опоздай».

Я взяла диск. Острый край пластика резанул пальцы.

Я повернула диск к свету. Запись теперь перечёркивала ещё и его улыбка. Даже вернув вещь, Марк умудрился сделать так, чтобы я думала о нём. Придётся принести ему этот круг в шесть утра, встать у стола и ждать следующего приказа. Я провела пальцем рядом с царапиной. Вот этого удовольствия — увидеть, как я бережно прячу его угрозу, — он не получит.

Страх, который душил меня весь день, вдруг испарился. На его место пришла злость. Горячая, яркая, очищающая.

Я не спрятала диск. Я положила его на стол, на виду.

Посмотрела на царапину-улыбку. И впервые за долгое время улыбнулась уголками губ сама.

Он боялся моей тишины больше, чем моего крика. Теперь я знала, где находится его кнопка отключения.

Завтра я приду. Но я приду не жертвой.

Глава 4

Следующий вечер пах не страхом, а озоном.

Я стояла перед служебной дверью в технический подвал консерватории, чувствуя, как ладони становятся влажными от холодного пота. Электрическая защёлка гудела низко и угрожающе, словно спящий зверь. Пропускная карта лежала у меня в кармане — Марк заставлял носить её на видном месте, чтобы я всегда помнила: я его собственность. Но на этом входе моя карта не работала. Он был открыт только для персонала. И для тех, кому нужно было что-то найти в темноте, пока весь курс спит или репетирует свои фальшивые улыбки.

Контрольная по дикции приближалась. Если я не смогу взять ту высокую ноту без срыва горла, меня выгонят: сначала лишат стипендии, потом отправят домой. В нищету. В тишину.

Мне нужно было место, где мой голос не будет судить. Где он может сломаться, и никто не посмеет смеяться.

Дверь не поддавалась. Я просунула пластиковую карту студента в щель между косяком и полотном, надеясь отжать защёлку старым трюком, который мне показал один из старшекурсников. Край карты побелел от нажима. Если сломаю, придётся объяснять и её, и своё присутствие у служебной двери. От мысли о кабинете декана я едва не отпустила пластик. Но идти обратно, опять шептать упражнения в комнате и слушать, не смеются ли за стеной, хотелось ещё меньше. Пальцы дрожали, когда я давила пластик в узкую щель. Раздался тихий клик, и тяжелый металл со скрипом подался внутрь.

Темнота ударила в лицо запахом пыли, старого железа и электричества. Я скользнула внутрь, прижимаясь спиной к холодной стене. Сердце колотилось так громко, что казалось, его слышно через бетонные перекрытия.

В аппаратной было пусто. Экраны мониторов мерцали тусклым синим светом, создавая иллюзию присутствия чужих глаз. Я сделала шаг, второй, пытаюсь привыкнуть к полумраку, как вдруг услышала звуки из соседней секции микшерных столов. Шаги. Каблуки. Знакомый цокот, который я ненавидела всей душой.

Екатерина Лисовская.

Она проверяла оборудование для своего завтрашнего «идеального» демо. Я замерла, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Если она увидит меня здесь, в запретной зоне, ночью, это конец. Она не просто расскажет Марку. Она развернет это так, что я стану вором, шпионкой, психически нестабильной ученицей, которая лезет в технические помещения, чтобы «подслушать секреты».

Инстинкт самосохранения оказался сильнее страха. Я нырнула под большой стол с пультами, вцепившись пальцами в ножку серверного шкафа. Металл обжигал кожу холодом. Над головой раздавался голос Катерины — сладкий, бархатный, пропитанный ядом уверенности. Она говорила по телефону, хвастаясь, как легко ей даётся эта нота, как все остальные — серая масса, достойная лишь подметать за ней полы.

А потом она ушла. Тишина стала оглушительной.

Но тишина длилась недолго. На стойке рядом со мной остался включенным микрофон. Я выбралась из-под стола и надела лежавшие у пульта наушники, надеясь проверить канал. Резкий визг обратной связи ударил мне в уши, словно игла прямо в барабанную перепонку. Звук был физически ощутимым, он проникал в кости, вызывая тошноту и приступ паники. Горло свело судорогой, тело предательски затряслось. Я не могла кричать, не могла дышать нормально. Этот звук был моим врагом, напоминанием о том, как мое тело отказывает мне в самый важный момент.

Срывая чужие наушники, я швырнула их на пол. Громкий стук пластика о линолеум эхом разнесся по комнате. Тишина после этого была невыносимой. Я сидела, свернувшись клубком, дрожа мелкой дрожью, ожидая, что сейчас войдет охрана или, хуже того, Марк.

Из темноты угла, откуда я не сразу заметила силуэт, вышел Илья Котельников. Техник. Тихий парень из общежития, который всегда смотрел сквозь людей, но никогда — на них с презрением.

Он не спросил, что я здесь делаю. Он не потребовал объяснений. Илья посмотрел сначала на наушники, потом на меня. Я ждала вопроса о двери и уже подбирала оправдание. Он же присел рядом с пультом. Не торопил. От этого молчания я растерялась: никакого готового ответа для человека, который не обвинял меня, у меня не было.

— Я не краду, — прошептала я, и мой голос сорвался на хрип. — Я просто... дышу.

Илья медленно протянул мне чистый лист бумаги и карандаш. Никаких слов. Только жест. Напиши. Скажи то, что не можешь произнести вслух.

Я взяла карандаш. Рука тряслась так сильно, что линии получались рваными. «Помогите», — написала я. Или хотела написать. Бумага осталась пустой. Страх парализовал даже мысль.

Илья вздохнул. Он подошел к одному из мониторов и включил один канал. Из динамиков донеслись шаги по деревянному полу концертного зала. Кто-то прошёл, остановился, прошёл снова. Я невольно считала интервалы. Между шагами никто не требовал от меня ноту. Можно было просто слушать.

— Произнеси любую гласную, — сказал он тихо, не глядя на меня. — Просто «а» — ровно, без интонации и эмоций. Как тест оборудования.

Я открыла рот. Воздух пошел вверх, но горло сомкнулось, как замок. Мышцы спазмировались, блокируя выход звука. Тело отказывалось служить мне. Оно помнило ложку Марка перед всем залом столовой. Помнило его слова в кабинете: «Пустой звук».

Илья не настаивал. Он не злился. Вместо этого он начал напевать низкую, вибрирующую ноту. Звук шел из его грудной клетки, глубокий, ровный, успокаивающий. Он создал вокруг меня звуковой кокон, плотный и теплый.

— Чувствуешь? — спросил он, прервав ноту. — Не пой. Слушай вибрацию своей груди. Ты не должна делать звук. Ты должна позволить ему пройти через тебя.

Я закрыла глаза. Впервые за долгое время внутри не было шума критики. Была только эта нота Ильи, обтекающая мои плечи, мои руки, мое зажатое горло. Медленно, почти незаметно, я почувствовала, как напряжение чуть ослабло. Не исчезло, но стало терпимым. Это было похоже на первый поток воды после долгой жажды.

Внезапно свет в коридоре за дверью вспыхнул так ярко, что тени метнулись по стенам, как живые существа. Голос Марка Валерьевича Смирнова ударил в дверь, жесткий и требовательный:

— Откройте. Я знаю, что кто-то здесь.

Я дёрнулась к вентиляционному окошку и тут же увидела решётку: туда не пролезла бы даже моя сумка. Марк снова ударил в дверь. От своего нелепого рывка стало ещё страшнее. Илья оглянулся на меня, и я заставила себя остаться на месте — хотя бы не мешать ему.

Илья действовал спокойно, почти механически. Он повернулся к главному рубильнику питания зоны и дернул его вниз. Свет в аппаратной умер. Мониторы погасли. Электроника замолчала. Мы остались в полной, абсолютной темноте.

— Сиди тихо, — шепнул он мне в ухо, его дыхание коснулось моей кожи. — Если он войдет, скажи, что ты ждала меня. Ты моя ассистентка по настройке частот. Я давал тебе задание проверить резонанс в ночное время, чтобы не мешать дневным занятиям.

Дверь открылась. Луч фонаря прорезал темноту, танцуя на полу среди кабелей. Марк вошел, осматривая помещение. Его взгляд упал на нас: два человека, сидящие на полу в тени, окруженные проводами.

— Объясните, — приказал он. Голос был тихим, но в нем звенела сталь.

Илья не стал оправдываться. Он достал планшет, подключился к локальной сети через аварийный порт и продемонстрировал запись, которую сделал в момент нашего «обнаружения». Шум шагов Марка, моё учащенное дыхание, искаженное до ритма сердца. Звуковая картина страха и напряжения.

Марк слушал. Долго. В свете его фонаря я видела, как тень интереса мелькает в его глазах, граничащая с одержимостью. Он больше не смотрел на дверь, которую я открыла картой. Теперь его занимала запись — моё дыхание, превращённое в ритм.

Его пальцы коснулись моего подбородка, проверяя напряжение мышц челюсти. Прикосновение было легким, но страшнее любого крика. Он чувствовал, как я дрожу, и он задержал пальцы на моём подбородке, будто хотел запомнить эту дрожь.

Марк выключил фонарь, оставив нас в полной темноте. Его голос прозвучал над нами, как приговор и обещание одновременно:

— В следующий раз, когда будешь прятаться, Алиса, прячься лучше. Или я заставлю тебя петь прямо сейчас, пока весь курс спит. И поверь, тебе не понравится, как это звучит в пустоте.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Илья положил ладонь мне на плечо. Я всё ещё смотрела на дверь, за которой исчез Марк. Хочется ли мне теперь уйти? Да. Но вместе с уходом придётся оставить здесь ту минуту, когда горло почти отпустило. Я повернулась к Илье и впервые сама придвинулась к его руке.

Мы были в ловушке. Но впервые за долгое время я знала, что эта ловушка имеет выход. И этот выход лежал через темноту, через шепот аппаратуры, через тот странный, опасный взгляд Марка, который теперь видел во мне не сломанную игрушку, а сложный механизм, который можно настроить только в тишине ночи.

Страх никуда не делся. Он стал частью игры. А игра только начиналась.

Глава 5

Коридор общежития пах хлоркой и чужим потом. Я стояла у двери в подвал, где пряталась студия звукозаписи, и чувствовала, как колотится сердце — не от бега, а от животного ужаса. Темнота за этой дверью была гуще, чем ночь на улице. Она давила на грудную клетку, напоминая о том вечере в аппаратной, когда я не смогла взять ноту перед Марком. Его «пустой звук» всё ещё звенел в ушах, а днём Катя Лисовская улыбалась так, будто только что съела котёнка.

Мои пальцы дрожали, цепляясь за холодный металл ручки. Входить было нельзя. Там темнота. Там тишина. Там я снова стану той сломанной куклой, которую он держит в руках.

— Дыши, — тихо сказал Илья. Он не смотрел мне в глаза, зная, что это только усилит панику. Вместо этого он приоткрыл дверь и повернул выключатель внутри, и из-под щели двери пробился тусклый, аварийный свет. Красноватый, приглушенный. Не абсолютный мрак, а мягкая полумрачность, похожая на сумерки.

Он протянул мне наушники. В них шуршало... моё собственное дыхание. Ровное, глубокое, без спазмов. Звуковой якорь.

— Слушай себя, а не страх, — произнес Илья. Его голос был тихим, но твердым, как опора в качающейся лодке.

Илья вложил мне в ладонь запасные ключи: «Если приду позже — открывай сама». Я шагнула внутрь. Запах пыли и старой изоляции ударил в нос, но этот запах ассоциировался с безопасностью. Стены здесь были обиты поролоном, поглощая эхо, пряча секреты.

Илья закрыл дверь. Щелчок замка прозвучал оглушительно. Мы остались вдвоем в красном полумраке. На консоли горели индикаторы, словно глаза спящего зверя.

— Начнем с текста, — предложил он, садясь на стул рядом со мной. — Без мелодии. Просто слова. Как молитву. Или ругань. Мне все равно. Главное — вибрация.

Я открыла рот. Воздух вышел свистящим потоком, горло сжалось в тугий узел. Психосоматика — проклятая память тела. Я попыталась произнести первую строчку своего портфолио, но вместо звука вырвался хрип. В наушниках мой хрип прозвучал близко, как чужой человек у самого уха. Я сняла одну чашку: без неё будто можно было притвориться, что Илья услышал что-то другое. Он не остановил запись. Я снова надела наушники, злясь уже на себя за эту маленькую трусость.

— Стоп, — Илья не останавливал запись, но его тон изменился. Мягче. — Забудь про арпеджио. Забудь про экзамен. Представь, что ты шепчешь секрет тому, кому доверяешь больше всех. Шепчи. Тише ветра. Ошибиться в шепоте невозможно, Алиса. Там нет высоты, есть только близость.

Я зажмурилась. В голове всплыл образ Ильи, который вчера вечером просто сидел рядом, пока я плакала, не требуя объяснений. Он не жалел меня. Он ждал.

Я сделала вдох через нос, медленно выпуская воздух сквозь зубы.

«Не испортите мой голос», — прошептала я. Губы едва двигались. Но звук был. Чистый. Живой. Не скрип, не хрип. Нотка воздуха, ставшая словом.

Внезапно над головой раздался грохот. Кто-то топал по перекрытию, шаркая ботинками. Вентиляция зашипела, выбросив облачко серой пыли.

Мое тело дернулось назад, руки метнулись к микрофону, заглушая его ладонями. Сердце ушло в пятки. Слежка? Охрана? Если нас поймают... Илью выгонят. А меня... меня добьют окончательно.

— Это старый дом, — Илья даже не поднял глаз от пульта, спокойно регулируя уровень громкости. — Скрипят балки. Ходят мыши. Иногда кажется, что ходят люди. Призраки кон-

серватории, детка. Они тоже любили ночные посиделки. Расслабь плечи. Если бы пришли, они бы постучали в дверь, а не гремили сверху.

Я представила мышь с папкой старосты. Не удержалась и фыркнула — слишком громко для человека, который секунду назад боялся дышать. Илья покосился на меня.

— Вот. Уже звук.

— Записывай, — прошептала я. — Дебют на мышинном фестивале.

Мы вернулись к работе. Я начала петь шепотом, переходя на обычный регистр. Голос становился крепче, словно мышцы после долгого простоя наконец-то нашли нагрузку.

На третьем дубле я решила рискнуть. Арпеджио. Та сложная последовательность, которая всегда ломала меня на людях. Я открыла рот, взяла низкую ноту, пошла вверх... и диафрагма заблокировалась. Тело помнило падение. Помнило стыд. Звук оборвался на середине, превратившись в болезненный всхлип.

Красная лампочка записи продолжала гореть. Я смотрела на неё, пока дыхание сбивалось, и ненавидела даже эту аккуратную технику: ей всё равно, что сохранить — мою ноту или очередной всхлип. Илья потом услышит оба. Я потянулась выключить запись, но не дотянулась через пульт.

Илья резко встал. Он обошел консоль и подошел ко мне вплотную. Так близко, что я почувствовала тепло его кожи через ткань футболки.

— Ты дышишь головой, — сказал он, не спрашивая, а констатируя факт. — Голова боится. Тело знает правду.

Он положил руку мне на солнечное сплетение. Ладонь была широкой, теплой, уверенной.

— Почувствуй толчок. Не в горле. Здесь. Выталкивай воздух животом, как будто смываешь грязь в унитазе. Грубо? Да. Эффективно? Абсолютно.

Под его рукой моя диафрагма дрогнула. Я посмотрела ему в глаза. В них не было жалости. Только профессиональный интерес и странная, пугающая нежность.

— Попробуй еще раз. Со мной.

Я вдохнула. Под его рукой грудь расширилась. Выдох. Звук пошел от центра тела, минуя блокирующее горло. Высокая нота сорвалась с губ чисто, ярко, как искра из кремня. Она резонировала в стенах студии, возвращаясь эхом. Я взяла вторую. Третью. Арпеджио полилось рекой, мощное, свободное, живое.

В этот момент я перестала быть жертвой. Я стала музыкантом. Слезы навернулись на глаза, но я не моргнула, боясь нарушить магию момента.

Три коротких стука в дверь.

Тух. Тух. Тух.

Ритм был точным, кодированным. Доступ декана или старосты. Кровь отлила от лица. Мир рухнул обратно в ад. Нас нашли. Сейчас войдут. Илья потеряет место. Меня лишат стипендии окончательно.

Я замерла, ноги подогнулись. Инстинкт жертвы кричал: сдайся. Но взгляд упал на лицо Ильи. Он не испугался. Он действовал.

Жестом он приказал мне замереть. Быстрыми движениями он выключил экраны, погружая комнату в темноту, кроме красного аварийного света.

— Техническая неисправность, — прошептал он мне в ухо. Его губы коснулись моей щеки, горячие и быстрые. — Не дыши.

Дверь скрипнула. Вошел охранник. Фонарик полоснул по стенам, выхватывая тени оборудования.

— Илья? Что за чертовщина? Система показывает перегрузку по питанию.

— Пробки выбило, Иваныч, — голос Ильи звучал сонно, привычно. — Я тут засиделся с настройкой для завтрашнего дня. Компьютер глючит, решил перезагрузить вручную. Простите, если шумел.

Охранник посветил в лицо Ильи, затем скользнул лучом дальше, в угол, где стояла я. Я вжалась в стену за консолью, чувствуя холод металла спиной. Мое сердце билось так громко, что, казалось, оно заглушит любые слова.

— Ладно, давай быстрее. Комендантский час через десять минут. Если увидят, что ты тут торчишь, проблем не оберешься.

Фонарик погас. Шаги удалились. Дверь закрылась.

Тишина вернулась, но она была другой. Напряженной, звенящей.

Я медленно вышла из укрытия. Колени подгибались.

— Всё, — выдохнула я. — Это конец. Нам нужно уйти. Прямо сейчас. Я не могу рисковать тобой. Ты уже нарушил протокол ради меня. Это слишком много.

Чувство вины душило сильнее, чем страх. Я тянулась к куртке, чтобы сбежать, скрыться, стать невидимой.

Илья схватил меня за запястье. Его пальцы впивались в кожу.

— Нет.

— Илья, они могут вернуться!

— Они ушли. Посмотри на часы. У нас есть семь минут.

— Семь минут?

— До того, как система обновит логи и кто-нибудь заметит скачки напряжения, которые я имитировал.

Он потянул меня обратно к микрофону.

— Алиса. Послушай меня. Если ты сейчас уйдешь, завтра они снова скажут, что ты пустота. Что ты слабая. Что ты сломана. Ты хочешь дать им эту победу?

Я посмотрела на него. В красном свете его глаза казались почти черными.

— Докажи обратное. Только мне. Один дубль. Чистый. Мощный. Чтобы ты запомнила это ощущение. Чтобы оно осталось с тобой, когда они будут давить.

На часах уходили секунды из наших семи минут. Я посмотрела на дверь, потом на микрофон. Если уйду, Илья останется разбираться с логам, а я унесу только новый испуг. Один дубль. Хотя бы ради того, чтобы завтра услышать в голове не Марка, а собственную ноту.

Я встала перед микрофоном. Илья включил запись. Красная лампочка загорелась.

Я закрыла глаза. Вспомнила чувство его руки на своем животе. Тепло. Опору.

Я взяла дыхание. Диафрагма двинулась легко, свободно.

Нота взлетела. Чистая. Высокая. Резонирующая со стенами, с полом, с моими костями. На верхней ноте я ждала знакомого провала — и не дождалась. Звук держался. Я даже успела посмотреть на Илью: он сидел неподвижно, не поправлял уровень, не подсказывал, только слушал. Хотелось рассмеяться посреди мелодии. Пришлось вцепиться пальцами в край футболки, чтобы допеть, а не испортить этот дубль от счастья.

И тогда я услышала это.

Не свой голос.

Смех. Холодный, бархатный, знакомый до боли смех Марка Валерьевича.

Он исходил не из моих динамиков. Он шел из внешнего канала мониторинга академии, который Илья забыл отключить. Системы наблюдения декана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.